

РЕЧЕВОЙ ПОСТУПОК И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

THE SPEECH ACT AND THE SPEECH ETIQUETTE

Курцева З.И.

Доцент кафедры риторики и культуры речи
ФГОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет», доктор
педагогических наук.

E-mail: zikurts@gmail.com

Kurtseva Z.I.

Associate Professor of the Department of
Rhetoric and Culture of Speech of the Moscow
State Pedagogical University, Doctor of
Sciences (Education).

E-mail: zikurts@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье
рассматриваются вопросы соотношения
и взаимодействия коммуникативных категорий,
речевой поступок и речевой этикет, влияния
на качество речевого поступка личности
соблюдения либо нарушения норм речевого
этiquета. Кроме того, автор обращает внимание
на коммуникативную тональность речевого
поступка, проявляющуюся в вербальном
и невербальном поведении говорящего.

Annotation. The article explores the
problems of interrelation and interaction
of such communicative categories as the
speech act and speech etiquette, as well
as the impact of an individual and his or her
compliance with or violation of the norms
of speech etiquette on the quality of the
speech act. The article also draws attention
to the communicative tone of the speech act,
which is manifested in verbal and non-verbal
behavior of the speaker.

Ключевые слова: речевой поступок, речевой
этiquет, категория вежливости, фатическая
функция речевого этикета, тональность речевого
поступка.

Keywords: speech act, speech etiquette,
category of courtesy, phatic function of speech
etiquette, tone of the speech act.

Конец XX в. и начало XXI в. ознаменованы повышенным интересом научных кругов и средств массовой информации к вопросам, касающимся культуры общения, культуры речи, культуры поведения и пр. Почему эти проблемы стали широко обсуждаться?

Нравственность человека проявляется не только в том, что он делает, как поступает, но и в том, как он относится к слову, которое произносит. Можно не совершить дурного действия, но при этом произнести грубое, обидное слово, которое окажет гораздо более

сильное воздействие на собеседника, потому что ранит его сердце, душу. Слово – мощное оружие в руках человека. Слово полководца вело солдат в атаку, слово отца закаляло и делало сыновей мужественными, а слово матери согревало и утешало.

Этический аспект общения привлекает внимание исследователей различных областей знания: *лингвистики* (А.Г. Балакай, В.И. Гвазава, В.Е. Гольдин, Н.М. Дмитриева, Э.Д. Доржиева, В.И. Карасик, А.В. Кузнецов, О.А. Луцева, И.А. Стернин, Н.И. Формановская, А.Д. Шмелёв и др.), *философии* (Н.В. Голик, Ф.Г. Майленова, В.И. Сафьянов и др.), *психологии* (М.И. Воловикова, Д.В. Малюгин и др.), *педагогики* (Н.Е. Богуславская, Н.В. Ершова, А.С. Киселёва, О.Ф. Коробкова, Н.А. Купина, С.И. Львова, Е.Н. Суханкина, С.В. Толкач, О.В. Филиппова и др.), *социологии* (Н.Г. Денисова, Н.С. Загорская, О.В. Зуева, К.М. Кантеева, В.В. Соколов и др.).

Ярким проявлением нравственной позиции коммуниканта являются его поступки, которые он совершает в речи, то есть речевые поступки (РП). Заметим, что, в нашем понимании, речевое действие и речевой поступок – понятия не идентичные.

Безусловно, они очень близки: и то и другое – составляющие речевой деятельности, мотивированные и целенаправленные высказывания. Однако, на наш взгляд, от речевого действия речевой поступок отличается, прежде всего, тем, что речевой поступок непременно отражает *нравственную сторону* речевого поведения личности, всегда совершается в *кризисных ситуациях общения*, когда адресанту нужно решить какую-либо нравственную проблему: как поступить, что сказать.

Сопоставление понятий *речевой поступок* и *речевое действие*, проведенное нами на лексико-семантическом уровне позволило прийти к заключению, что *речевой поступок* (РП) – это *намеренно созданное высказывание, отражающее нравственную позицию коммуниканта* («клеточка нравственной деятельности»), цель которого – *воздействовать на адресата (в том числе и на себя) в кризисной ситуации общения (повлиять на мнение, на отношение к чему-либо или кому-либо, на принятие решения и т.п.)* [11].

Следовательно, любой речевой поступок есть речевое (ые) действие (ия), однако далеко не всякое речевое действие становится речевым поступком (т.е. РП = РД, но не любое РД = РП).

Рассмотрим, как соотносятся понятия «речевой поступок» и «речевой этикет», каким содержанием наполняют эти дефиниции современные исследователи.

Н.И. Формановская под речевым этикетом (РЭ) понимает «социально заданные и национально-специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [13, с. 240–241]. Сфера действия современного этикета довольно широка: от регуляции отношений в области бытового общения до регламентации поведения в рамках общественной, деловой, публичной коммуникации, причём этикетом допускаются некоторые индивидуальные отступления от общих правил, касающиеся демонстрации доброжелательности.

Назовём ситуации общения, где используются устойчивые формулы речевого этикета: *приветствие, прощание, благодарность, поздравление, пожелание, извинение, приглашение*.

ние, утешение, соболезнование, комплимент, знакомство, одобрение, просьба, согласие, отказ, запрещение, вручение подарка, совет, предложение и др.

Жанры речевого этикета (просьба, благодарность, поздравление, соболезнование, комплимент, похвала, тост и др.), как правило, являются собой речевые действия, а не речевые поступки, однако могут выступать основой речевых поступков. Например, заискивающее восхваление партнёра коммуникации ради собственной выгоды (чаще всего обращение нижестоящего к вышестоящему) рассматривается нами как негативный РП. Существует мнение, согласно которому «угодливое восхваление ради достижения собственных интересов может принимать форму комплимента, но констатирует отсутствие истинного уважения к человеку и искреннего проявления симпатии» [10, с. 259].

Такие жанры речевого этикета, как *извинение, просьба о прощении*, имеющие в качестве пресуппозиции плохой поступок, даже вне конкретной коммуникативной ситуации явно свидетельствуют о том, что это позитивные речевые поступки, если не брать во внимание особые случаи, когда слова извинения и утешения неискренни, формальны. Исследователи (Е.В. Артамонова, Л.Н. Чинова) приходят к заключению, что просьба о прощении и принесение извинений различаются степенью серьёзности проступка и детерминируются общепризнанной нормой и типом языковой личности.

Л.Н. Чинова пишет, что «принципиальная разница между ситуациями ПИ [принесение извинения] и ПП [просьба о прощении] состоит в том, что одна предполагает монолог, а другая – диалог, причём диалог, не прекращающийся до тех пор, пока не получен желаемый ответ. При отрицательной реакции адресата адресант либо продолжает попытки получить прощение, либо откладывает их, но возобновляет впоследствии вновь и вновь» [16, с. 279]. Если соотносить эти разграниченные автором ситуации с речевым поступком, то в ситуации ритуального общения *принесение извинения*, на наш взгляд, будет речевым действием, которое предписывает соблюдение правил речевого этикета. Просьба о прощении – пример речевого поступка, который со стороны адресанта квалифицируется как позитивный РП, так как говорящий испытывает чувство вины и, воздействуя на адресата, стремится получить прощение. Однако в зависимости от условий общения и личности адресанта и адресата просьба о прощении может расцениваться двояко: как искренний РП либо как навязчивые речевые действия.

Речевой поступок личности свидетельствует об уровне его речевой культуры, наиболее ярко проявляющейся в умении строить корректное общение. Основой такого общения является *вежливость*, определяемая в философском словаре как моральное качество, характеризующее поведение человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими. Античные риторы также обращали внимание на вежливость в речи, «которая в словах и в оборотах и произношении показывает особенный вкус, городским жителям свойственный, и которая сопровождается почти сведениями, в обращении с учёными почерпнутыми; всё же противное сем почитается грубою» [9, с. 456]. В связи с тем что категория вежливости в речевом поступке играет существенную роль, остановимся на ней подробнее.

Исследователи-лингвисты рассматривают вежливость¹ как «социально-культурный компонент общения, отражаемый в языке/речи», как прагмалингвистическую категорию [13, с. 61], как особую категорию, «представляющую этический аспект акта коммуникации и позволяющую создать условия для успешного общения» [10, с. 257], как качество хорошей речи² [17].

Н.И. Формановская отмечает, что вежливость как этическая категория (моральное качество) предполагает соблюдение человеком внешних норм общения, выражение личного доброжелательного отношения к адресату, проявление искренности, а также «культурное притворство»³. Полагаем, последнее (культурное притворство) следует отнести к негативным речевым поступкам, так как, сохраняя вежливую тональность общения, говорящий неискренен, «нечистосердечен»⁴, хотя как речевое действие оно предпочтительно и позитивно (ср., например, использование речевого этикета служащими различной сферы услуг).

Следует отметить, что речевой жанр (РЖ) «притворство» соотносится исследователями с обманом, ложью, лестью, лицемерием и нередко используется в качестве манипулятивного средства. Так, Сабине Дённингхаус пишет: «Манипулятивный потенциал языка особенно чётко проявляется на политическом и идеологическом уровне, а также в экономической пропаганде. В зависимости от ситуации необходимо оценивать этот потенциал как отрицательно, так и положительно, так как он является важным элементом в процессе социализации человека, что доказывают исследования в области социобиологии, социопсихологии» [7, с. 205]. Нельзя не признать, что РЖ *притворство* – нередкое явление в нашем социуме. Мысль, высказанная С. Дённингхаус, иллюстрирует современное состояние уровня культуры общения: «...сформулированные Г.П. Грайсом и Дж.Р. Сёрлем максимы – только теоретические и идеальные модели норм коммуникации, соблюдение которых в речевой «действительности» не является нормой. Напротив: скорее всего нормой является их не-соблюдение» [7, с. 213].

Рассматривая универсалии вежливости, П. Браун и С. Левинсон высказали предположение о том, что «все культуры обеспечивают говорящего двумя основными типами стратегий выражения импозиции, существующей в каждом коммуникативном акте. Позитивная вежливость призвана обеспечить идентификацию собеседников как партнёров, объединённых общими интересами, в то время как стратегия негативной вежливости

¹ Принцип вежливости был разработан Дж. Личем и отнесён к этическим принципам (1983). Автор сформулировал следующие максимы, отражающие этические нормы поведения, в том числе и речевого: максима такта, максима великолушия, максима одобрения, максима скромности, максима согласия, максима симпатии [14, с. 63-67]

² О.Б. Сиротина утверждает, что определить качество речи (хорошая она или плохая) возможно с учётом коммуникативной ситуации и цели общения; кроме этого, важно соблюдение современных языковых норм и этики общения. Хорошая речь – это речь целесообразная, соответствующая этике общения (содержание и речевое оформление) и ситуации общения, понятная адресату, правильная, творческая [13].

³ Н.И. Формановская цитирует О. Мандельштама, иллюстрируя такую ипостась вежливости, как надевание маски [14, с. 61].

⁴ В.И. Даляр так толкует значение слова «искренний»: «чистосердечный, прямодушный, нелицемерный» (Т. 2, с. 119).

подчёркивает автономность и независимость говорящего адресата» [Цит. по: 2, с. 122]. Оксюморон «негативная вежливость» применим и в случае «гипервежливости» (выражение Н.И. Формановской), проявляющейся в манерности, церемонности, слашавости коммуниканта. Примером вежливости, имеющей негативную смысловую наполненность, может служить использование говорящим такта, любезности в качестве манипулятивных средств с целью отвлечь слушателя от истинной информации о предмете беседы. Нередко нарочитая словесная вежливость может сопровождаться невербальными средствами выражения агрессии по отношению к партнёру коммуникации (интонация, выражение лица, поза).

Примером «позитивной вежливости» может служить ситуация затянувшегося ожидания опаздывающего партнёра, когда говорящий прибегает к вежливой лжи, желая сохранить речевое взаимодействие и добрые отношения с собеседником. Либо, желая показать принадлежность к конкретному сообществу и ориентируясь на конкретного адресата, говорящий намеренно выбирает такие речевые стратегии и тактики, которые позволяют в речевом поступке достичь желаемого результата (например, речевое поведение разведчика). Эту функцию, характерную для ритуалов, называют «обозначением «своих» и «отторжением «чужих»» (К. Лоренц), или конативной функцией – функцией ориентации на адресата (Н.И. Формановская).

В речевом поступке категория вежливости играет особую роль, так как иллюкутивная сила вежливого коммуникативного акта позволяет снять агрессию собеседника и повлиять на позитивное взаимодействие партнёров по общению. Категория вежливости предполагает, прежде всего, доброжелательное, уважительное отношение к собеседнику, умение говорящего/слушающего сдерживать негативные эмоции, а также знание правил поведения, речевого этикета представителей определённой социальной среды. В речевом поступке запечатлеваются определённые традиции выражения отношений, свойственные той или иной эпохе.

Г.Р. Шамъенова считает, что *нормы вежливости* с точки зрения их исполнения могут быть *императивными* (требование быть уважительным, тактичным, великодушным, доброжелательным, внимательным, сдержанным в выражении негативных эмоций), *рекомендуемыми* (эти требования «характеризуют прежде всего самого говорящего как личность, а потом уже способствуют контактоподдержанию – быть понимающим, симпатизирующими, скромным в обнаружении собственных достоинств, следовать принятым данной общественной средой правилам поведения») и *факультативными*, которые «обусловлены логикой естественного живого общения в разных ситуациях, жанрах речи, целями взаимодействия» (требования быть одобряющим и соглашающимся) [17, с. 179–180].

В.Е. Гольдин соотносит «главный способ применения этикетных знаков» [4, с. 39] – вежливость – с достоинством личности, которое «нужно утверждать самому», и зависит становление этого качества «от личных моральных качеств человека, от того, на что направлены его действия в обществе, насколько всё его поведение соответствует принятому в обществе представлению о достойном» [4, с. 42].

Общеизвестно, что вежливое общение способствует созданию положительной эмоциональной атмосферы. Существуют определённые *тактики вежливости*: предупреждение негативной реакции адресата, возражение под видом согласия, некатегоричное

возражение, высказывание отрицательной оценки под видом демонстрации уважения, некатегоричная оценка, отстранение оценки непосредственно от собеседника, признание возможной ошибочности своего мнения, признание права собеседника на свободное волеизъявление, предоставление свободы действий адресату при демонстрации своей позиции, оправдание нежелательных действий по отношению к адресату по причинам, не зависящим от говорящего либо находящимся вне его компетенции [17, с. 185–186].

Как известно, жанры речевого этикета (тематически специализированные РЖ) относятся к фатическому общению, которое традиционно предполагает установление и поддержание контакта с собеседником, жанры фатического общения выступают как форма презентации языковой личности. К.Ф. Седов вслед за Т.Г. Винокур подчёркивает, что в повседневной коммуникации значительно больше жанров фатического общения в сравнении с жанрами информативными, при этом «в реальной речевой практике информативная и фатическая иллокуция тесно переплетены в рамках любого жанра» [12, с. 21].

Фатическое общение, в представлении Т.Г. Винокур, – это не только установление и поддержание контакта, но, прежде всего, само общение, желание обменяться впечатлениями, мнениями, причём главной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении. Так, она отмечает, что «речевой контакт есть, прежде всего, контакт социально-психологический, и в этом качестве он является главной целью фатического речевого поведения» [3, с. 137], что в зависимости от цели и условий общения ведущим фактором оказывается тип отношений между говорящими: между незнакомыми, малознакомыми, хорошо знакомыми людьми, между близкими друзьями или в семье и при случайном знакомстве.

Фатическому речевому поведению свойственно «свободное и раскованное обнаружение индивидуальной манеры говорящего, которое предоставляет право использовать весь диапазон коммуникативных ролей-функций», объединение «столь разнородных явлений – болтовни, сопровождающей какое-либо другое действие, речевого этикета и духовного общения», которые осуществляются в «жанрово-ограниченных ситуациях» [3, с. 136–137].

Т.Г. Винокур изредка использует понятие «речевой поступок», но не делает акцента на его нравственной составляющей, соотнося его с любыми речевыми действиями в фатическом общении. Так, заключая свои рассуждения о речевом фатическом поведении, она пишет: «Значимость темы, цели и условий фатического инварианта речевого поведения в коммуникативном процессе определяется через идентификацию изначального импульса, ведущего к данному речевому поступку и обеспечивающего адекватное взаимодействие партнёров коммуникации – говорящего и слушающего» [3, с. 158]. Как видим, автор не разграничивает РП и РД.

В.В. Дементьев и К.Ф. Седов развивают мысль Т.Г. Винокур, считающей, что в человеческом поведении (фатическом) особую роль играет тип стилевого отбора, достигающий конфликтного или бесконфликтного результата путём выполнения коммуникативных ролей, в рамках которых отыскивается общий язык. Так, В.В. Дементьев к фатическому общению относит речевые жанры, как улучшающие межличностные отношения (разговоры по душам, признания, комплименты, флирт, шутка), так и ухудшающие их (выяснение отношений, обвинения, оскорблений, ссоры, издёвка, похвальба, розыгрыш). Он пишет: «Вы-

деляется пять основных типов фатических речевых жанров (ФРЖ): (1) ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: *оскорбления, ссоры*; (2) ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: *признания, комплименты*; (3) ФРЖ, ухудшающие отношения в косвенной форме: *колкость, издёвка*; (4) ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: *шутка, флирт*; (5) *празноречевые жанры*: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, степень косвенности – приблизительно ½» [6, с. 38–39].

В фатическом речевом поведении важную роль играет понимание самого коммуникативного намерения. Т.Г. Винокур пишет: «Это понимание не столько смысла высказывания – отдельного или их совокупности, сколько понимание человека, понимание, осуществляющееся через соотнесение смысла и ситуации высказывания на основе так называемых автоматизмов, определяющих варианты человеческого поведения» [3, с. 157].

В фатике особое место занимает не получивший настоящего осмысления, специфичный для русского менталитета гипержанр разговор *по душам, задушевное общение* (об этом пишут В.В. Дементьев, А.Д. Шмелёв), который в традиционной русской речевой культуре относится к жанрам гармонического общения, хотя в последние десятилетия разговор по душам нередко воспринимается как «социально непрестижный жанр» [5, с. 238–239].

Как показывают наблюдения, вектор качества речевого поступка (положительный РП или отрицательный РП) нередко не зависит от «этикетности» речевых действий говорящего. Так, искренние комплимент, признание (в любви, дружбе), благодарность и пр. являются позитивными речевыми поступками, а манипулятивная вежливость (например, лесть) – пример негативного речевого поступка, несмотря на то, что адресантом совершаются этикетные речевые действия. В то же время неэтикетные, эмоциональные речевые действия в кризисной, критической ситуации общения (предупреждение, запрещение, уговоры и др.) могут быть позитивным речевым поступком. Агрессивное же речевое поведение (угроза, обвинение, ссора и т.п.) является неэтикетным негативным речевым поступком.

Существенную, а в некоторых случаях главную роль в этикетном/неэтикетном речевом поступке играют невербальные средства коммуникации, позволяющие безошибочно оценить речевой поступок говорящего. Приведём лишь один пример:

«Как-то я простудился, и ко мне пришли ребята из нашего класса. Они не знали, что польский лак для паркета – это «ужасный дефицит», и ввалились в комнату прямо в ботинках. <...> Увидев ребят, тётка остолбенела. Я подумал, что она сейчас раскричится на весь дом, но вместо этого она вдруг... улыбнулась.

– К нашему Тимочке ребятки пришли... – Голос у тётки был мягким, ласковым, а пальцы торопливо и зло мали ремешок сумочки. – Какие хорошие, сознательные ребятки... Такие никогда не бросят товарища в беде, правду я говорю? – «Ребятки» побагровели и уныло повесили головы. – Я очень рада, Тимочка, что у тебя такие замечательные друзья. Только почему вас так мало! Раз, два, три... всего восемь. Вы в следующий раз всем классом приходите <...>

– Тим, мы, пожалуй, пойдём, – тихонько сказала Натка – от обиды у неё задрожали губы» (М. Герчик «Солнечный круг»).

Вежливые слова: *очень рада; замечательные друзья; хорошие, сознательные ребятки; никогда не бросят товарища в беде*, – вне контекста обладающие положительными коннотациями, не случайно воспринимаются одноклассниками Тима как недоброжелательное

высказывание: интонационный рисунок монолога тётки содержал целую палитру негативных «красок» – раздражение, недовольство, злость, нетерпимость и т.п.

Невербальный компонент устной речи является ярким показателем *отношения говорящего к адресату* (искреннее/неискреннее, доброжелательное/недоброжелательное) и к содержанию информации (правдивая/неправдивая).

Существенное влияние на характер речевого поступка оказывает интонация: он может быть плохим или хорошим, вежливым или невежливым. Воздействующая сила интонации приводит как к кооперативному, так и конфликтному общению. Так, в определённых ситуациях общения адресат просьбу воспринимает как приказ, совет – как угрозу, комплимент – как лесть, извинение – как одолжение, потому что говорящий использует не соответствующие жанру (но характеризующие самого говорящего) интонации. Кроме того, подобная переакцентуация происходит из-за нарушения основных этикетных правил или отсутствия кодифицированных речевых формул – всё это свидетельствует о неблагополучном протекании общения и, как следствие, о негативном речевом поступке.

Авторы исследований, посвящённых проблемам коммуникации, особое внимание уделяют *тональности*, выполняющей роль регулятора общения: изначально заданный тон определяет ход речевого общения, а неверно взятый тон может привести к коммуникативной неудаче (Е.П. Захарова, Т.О. Багдасарян и др.). Тональность «присуща текстам всех речевых жанров, независимо от социо- и этнокультурной принадлежности их авторов. Конечно, в научном или официально-деловом стиле варьирование тональности ограничено рамками институциональности, но позиция автора, тем не менее, просматривается» [1, с. 241]⁵.

Е.П. Захарова, описывая коммуникативную категорию тональности, использует понятие тональной рассогласованности, которая возникает при общении представителей разных культур, разного возраста, разного социального, профессионального статуса, «когда не учитывается эмоциональный настрой коммуникантов и общая эмоциональная атмосфера общения», когда различаются цели коммуникантов или намеренно игнорируются коммуникативно-этические нормы [8, с. 175–176]. В речевом поступке тональная рассогласованность может нести положительный или отрицательный заряд.

Рассматривая вопрос соотношения речевого поступка и речевого этикета, необходимо обратиться к такому компоненту неверbalного общения, как коммуникативно значимое *молчание* (ментальный речевой поступок [11, с. 259–272]). О втором типе молчания (в отличие от ролевого вежливого молчания слушающего: не перебивать, выслушивать, дослушивать и т.п.), для нас наиболее важном, Н.И. Формановская пишет: «Другой тип молчания принадлежит роли *говорящего*, когда партнёр ожидает от него словесной реплики, но вместо этого получает молчание. В этом случае предстоит интерпретировать молчание как своеобразное речевое действие с интенциональным, эмоциональным, оценочным содержанием в зависимости от предшествующего дискурса, ситуации и обстановки

⁵ Т.О. Багдасарян рассматривает тональность как компонент модели речевого жанра и считает, что тональность «может также быть выражена интонационно и с помощью жестов и мимики. <...> Однако сфера их действия ограничивается устным общением, когда имеет место непосредственный контакт партнёров по коммуникации» [1, с. 243].

общения, взаимоотношений общающихся и т.д. Это может быть согласие (молчание – знак согласия), нежелание отвечать, затруднённость подыскивания слова, стеснительность, нерешительность, наконец, укор, упрёк, обида и др.» [15, с. 50]. Молчание в речевом поступке может выражать сочувствие (РП «+»), упрёк (РП «-») либо являться образцом сдерживания негативных эмоций, словесной агрессии (РП «+»).

К категории вежливости следует отнести и такое качество личности, как терпимость (в современной терминологии – толерантность, коммуникативная толерантность). Терпимым С.И. Ожегов называл человека, «умеющего без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, характеру». В.И. Даль определяет терпимость как «терпимость вере, разных исповеданий, терпимость личных убеждений». Воздействующая сила речевого поступка будет более эффективной, если, обращаясь к собеседнику, говорящий изначально будет настроен позитивно, принимая адресата таким, какой он есть.

Таким образом, можно заключить, следующее.

– Для речевого поступка важны такие функции речевого этикета, как фатическая функция (установление и поддержание контакта с адресатом); направленность на кооперативное, доброжелательное, толерантное общение; учет социальных условий общения; сдерживание агрессии со стороны партнёра по общению.

– Результативность речевого поступка зависит от цели, темы, условий фатического общения, которое должно быть ориентировано на РП, обеспечивающий адекватное взаимодействие партнёров коммуникации.

– Категория вежливости в речевом поступке является приоритетной и способствует эффективному взаимодействию и взаимопониманию собеседников.

– Этикетность речевых поступков (положительная/отрицательная) зависит от условий общения, интенции говорящих, их взаимоотношений.

– Особую роль в речевом поступке играет интонация и «коммуникативная тоналность» (термин Е.П. Захаровой).

Список литературы:

1. Багдасарян, Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») / Т. О. Багдасарян // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Колледж, 2002. – С. 240–245.
2. Вежбицка, А. Дискурс и культура / А. Вежбицка, К. Годдард // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 3. – Саратов: Колледж, 2002. – С. 118–157.
3. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур ; вступ. ст. Л. П. Крысина. – 3-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.
4. Гольдин, В. Е. Речь и этикет : кн. для внеклассного чтения учащихся 7–8 кл. / В. Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
5. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров в России: аспект формализации социального взаимодействия / В. В. Дементьев // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 39–62.
6. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции

- и типологии речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 34–44.
7. Дённингхаус, С. Под флагом искренности: лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство» / С. Дённингхаус // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 203–216.
8. Захарова, Е. П. Категория тональности в аспекте коммуникативной нормы / Е. П. Захарова // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Вып. 8: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – С. 171–178.
9. Квинтилиан, М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений / пер. А. Никольского, члена Императорской Российской Академии. – СПб., 1834.
10. Кормилицына, М. А. Категория вежливости в оценочных речевых жанрах / М. А. Кормилицына, Г. Р. Шамъенова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 257–266.
11. Курцева, З. И. Речевой поступок в педагогическом общении / З. И. Курцева. – М.: Баласс, 2010. – 224 с.
12. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 7–38.
13. Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович [и др.]; под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 16–29.
14. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1998.
15. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 160 с.
16. Чинова, Л. Н. Просьба о прощении и принесение извинения / Л. Н. Чинова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 278–281.
17. Шамъенова, Г. Р. Вежливость как качество хорошей речи / Г. Р. Шамъенова // Хорошая речь / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович [и др.]; под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 179–197.

Интернет-журнал

«Проблемы современного образования»

2013, № 1